УДК 81’42

© 2024 А. А. Романов, Л. А. Абросимова-Романова

МАНИПУЛЯТИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ФЕЙКОВЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК-ПОДДЕЛОК

В статье рассматривается трехуровневый механизм фейковизации дискурсивных практик, в основе которого лежит манипулятивная процедура «языковой игры» с функциональной семантикой слотов конфигураций типовых фреймов. Выделенные уровни смысловой фейковизации способствуют выявлению глубины таргетированного воздействия на адресата-получателя дискурсивных практик-подделок.

Ключевые слова: *верификация, дезинформация, дискурс, дискурсивная практика-подделка, фейковое послание, фрейм, фреймирование.*

© 2024 A. A. Romanov, L. A. Abrosimova-Romanova

MANIPULATIVE CONSTRUCTION OF THE FAKE DISCURSIVE FALSE PRACTICES

The article considers a three-level mechanism of fake visualisation of discursive practices, based on the manipulative procedure of «language game» with functional semantics of slots configurations of typical frames. The levels of semantic manipulation help to determine the depth of targeted impact on the addressee-recipient of discursive fake practices.

Key words: *verification, disinformation, discourse, discursive false practice, fake message, frame, framing.*

Смысл должен быть найден,
но не может быть создан.
В. Франкл

Введение. Анализируя принципы, заложенные в основания ряда типологий фейковых (постправдивых, дезинформационных) сообщений-практик или сообщений-подделок [см.: Романов, Романова, 2024; 2024а; ср. также: Романов, Романова, 2016; 2017], была зафиксирована внутри проанализированных типологий тенденция взаимной векторной направленности фазовых переходов из одних типов сообщений в другие типы. При переходах такие взаимопроникновения дают возможность приобретать вербальным типовым сообщениям-практикам ряд новых функционально-содержательных свойств. Одновременно было также отмечено, что выявленные и вновь приобретённые признаки векторной взаимонаправленности фазовых переходов между отдельными типами сообщений позволяют некоторым образом характеризовать комплексный процесс фазового (поэтапного, порогового) проникновения фейковых или постправдивых сообщений vs сообщений-подделок в информационно-коммуникативное пространство жизнедеятельности отдельного человека, коллектива или общества и успешно

(результативно) закрепляться в нём.

Обнаруженная тенденция растущего интереса к функциональной и результативной сторонам использования в дискурсивном обмене практик, опирающихся на референтное (правдивое: было / не было) и нереферентное (ложное, подделанное под референтное, специально сконструированное) содержание, набирает свою популярность в разнообразных сферах коммуникативного пространства различных социумов или государств-наций. Такого рода дискурсивные практики с нереферентным содержанием или практики-подделки активно участвуют сегодня в массовом тиражировании для общества – независимо от их фейковой или фактуальной природы – типовых смыслов и их знаковых форм в виде смешанных с правдой и неправдой информационно-коммуникативных практик-посланий или смешанных дискурсивных практик.

В связи с этим возникает целый ряд проблем, которые целесообразно рассмотреть с позиций коммуникативно-когнитивного конструкционизма [Романов, 2002: 5-7; Романов. Романова, 2005; Романова, 2007; 2009; см. также: Болдырев, Григорьева, 2020]. Имеет смысл в первоочередном порядке обратить внимание на технологичность процессов массового тиражирования и специфику внедрения обозначенных смешанных дискурсивных практик как в «ядерных» (т. е. основных, базовых, главных, мейнстримовых) коммуникациях отдельного общества, так и в глобальном информационно-коммуникативном пространстве [Романов, 2017; Романов, Романова, 2024], в которых (т. е. в практиках) практически невозможно, на первый взгляд, без труда отличить «правду» от «неправды» [ср.: Беккер, 2002: 35; Макдональд, 2019: 13-15; Романов, Романова, 2020; Романов, Малышева, 2016; Романова, Малышева, Морозова, Романов, 2023; Мисонжников, 2024: 104-106].

Вместе с тем актуализация данной проблемы и попытка анализа условий реализации «вирусного» распространения сконструированных посланий-практик или практик-подделок в информативно-коммуникативном пространстве даёт возможность пристальнее взглянуть на «регулятивно-функциональную роль и причины формирования предварительных условий», способствующих фейковизации содержания дискурсивных практик в объёме передаваемого контента [Романов, 1988: 2020; Романов, Романова, 2024; 2024а]. Эти практики разрабатываются и мимикрируются спиндокторами с учётом конструктивных особенностей типовых фреймовых конфигураций для того, чтобы на их базе инициаторы-бенефициары (спиндокторы) могли создавать типовые (или шаблонные) когнитивные «заготовки», способные служить для отправителей-инициаторов (каузаторов или бенефициаров) исходным

основанием для создания и тиражирования фейкового контента таких практик-посланий.

При этом нужно иметь в виду, что «массовое тиражирование», по Бодрийяру [Бодрийяр, 2015] таких коммуникативных практик являет собой комплексный процесс, который обусловливает продуцирование (т. е. разработку в широком смысле этого слова, а также и пробную апробацию) тиража и подбор всевозможных результативных коммуникативных технологий, нацеленных на интенсивное и глубокое погружение массового адресата (т. е. массовой аудитории пользователей) в сконструированное (фейковое) информационное пространство обозначенных дискурсивных практик-посланий. Основная задача интенсивного и глубокого погружения коллективного адресата в фейкореальность сконструированных практик-посланий состоит в том, чтобы при помощи массового тиражирования практик-подделок с таким постправдивым контентом оказывать интенсивное воздействие и давление на консциентальную сферу (от лат. conscientia – сознание, понимание, убеждение) коллективного адресата. Таргетированная направленность дискурсивных практик с фейковым контентом позволяет инициаторам-бенефициарам динамически – с учётом «когнитивных мерностей» – регулировать интенсивность глубины информационного воздействия в лимологических параметрах дикурс-конструкта: от «мягкого воздействия до жесткого влияние и насильственного подчинения» [Романов, 2016; 2017; Романов, Романова, 2023].

В этой связи имеет смысл рассмотреть технологию фреймирования функциональной семантики дискурсивных практик с фейковым контентом, чтобы предложить схематический порядок «распредмечивания» смысловых установок, задаваемых инициатором-бенефициаром в практиках-подделках. Подчеркнём, что метод фреймового анализа или метод фреймирования – явление не новое и известно ещё со времён публикаций работ М. Минского, Т. Ван Дейка, а также Л. Дж. Филлипс и М. В. Йоргенсен [Филлипс, Йоргенсен, 2004]. Не вдаваясь в описание известных положений фреймового анализа, в своём анализе мы воспользуемся некоторыми важными положениями из работ указанных авторов.

Анализ материала. С когнитивно-дискурсивных позиций удобно рассмотреть этот процесс как «прагматаргетированную игру спиндоктора с оценками различных уровней исходной фреймовой конфигурации». В качестве исследуемого материала выступает набор вербальных практик дискурса-интервью корреспондента еженедельника «Аргументы и Факты» Г. Зотова в статье «Президент Эстонии Арнольд Рюйтель: Разве мы восхваляем нацизм?» [АиФ, 2005]. Рамки настоящей статьи не позволяют привести текст интервью в полном объёме, поэтому ограничимся характерными фрагментами,

иллюстрирующими ход нашего исследования.

Уместно заметить, что любой канонический фрейм строится по следующему образцу: выбирается основной терминальный слот, который именуется вершиной, представленной, как правило, глагольно-предикатной составляющей. В процессе конструирования практики этот терминальный слот обычно заполняется с учётом её валентных свойств. На основе вершины, и слотов, зависимых от валентных свойств вершины, образуется фреймовая конфигурация дискурсивной практики. Таким образом, если инициатор-бенефициар, конструируя свою практику-подделку по фреймовому образцу, то он исходит из своей прагматической установки, что он может прибегать к vs использовать в «языковой игре» или манипуляции как с содержанием вершинного слота (или терминалом / терминалами), так и с семантическим наполнением зависящих от её валентных свойств подчинённых (вершине) слотов.

Таким образом, весь процесс фреймирования дискурсивных практик-подделок «окрашен» манипулятивной игрой как с вершинным терминалом, так и с подчинёнными вершине слотами. Понятно, что сам процесс фреймирования может подразделяться на несколько уровней, а именно – 1-й уровень, именуемый как «игра с оценкой», 2-й уровень, обозначенный как «игра со слотами и их содержанием» и 3-й уровень, обозначенный как «игра с фреймами» в гиперфреймовой конфигурации, которую может предложить сам инициатор-бенефициар в роли, например, отправителя, чтобы усилить интенсивность своего воздействия в процессе дискурсивного обмена практиками. Рассмотрим каждый из предложенных уровней, акцентируя своё внимание на манипулятивных технологиях игры со слотами.

1. Первый уровень базируется на предварительных условиях, которые опираются на знания участников дискурсивной интеракции о том, что действительность может быть интерпретирована средствами языка вариативно – одно и то же событие (предмет, явление окружающего мира) можно назвать словом или словосочетанием, которое вызовет, в зависимости от установки говорящего, либо положительную, либо негативную ассоциацию. Таким образом при помощи тщательно подобранных языковых единиц *можно заменить* «знак восприятия» того или иного факта (события, явления) на противоположный.

– Зотов: «… Всех шокирует, когда *эстонские ветераны СС* выходят на *митинги в гитлеровской форме*, если человек сделает то же в Германии, то попадет в тюрьму. В Эстонии же у него нет проблем».

– Президент: «Действительно, в Эстонии есть такие люди. В определенные

исторические дни они *собираются вместе*, и я допускаю, что *кто-то из них иногда* надевает свой *старый солдатский мундир*».

Журналист задал вопрос о проводимых в Эстонии митингах, в которых принимают участие бывшие эсэсовцы. В своем ответном реактивном шаге президент Эстонии, используя возможности языка, ***заменяет*** каждую из лексических единиц, которые явно отсылают аудиторию к терминалам гиперфрейма «Нацизм – СС – Гитлер».

Президент меняет содержание неудобных для него единиц в пределах одного слота. Причем он эксплицитным образом меняет слотовое содержание, которое именно для него некомфортно. Больше того, он уходит (не замечая вопроса корреспондента) от неудобных для него и невыгодных ему по содержанию и тональности языковых единиц. Он осуществляет подмену (т. е. конструирует, сочиняет подделку) значений с неудобных значений на близкие по значению слова. Причем замещающие слова вписываются в границы семантики слота, но в действительности несут уже совершенно иную – *нейтральную* – оценку. Сравните: в колонке слева – слова Г. Зотова, а напротив – слова А. Рюйтеля:

ветераны СС	→	люди
митинг	→	собираются вместе
гитлеровская форма	→	старый солдатский мундир
митинги проводятся регулярно	→	кто-то из них, иногда, собираются.

Здесь необходимо разделять понимание фрейма как особого рода когнитивной и знаковой структур представления знаний. Фрейм как когнитивная структура представляет собой упорядоченность основных структурных элементов – единиц ментальной репрезентации в виде терминалов и его составляющих – слотов, субслотов и подслотов, образующих *консциентальный* фундамент для развертывания процессов восприятия, хранения информации, мышления и разработки языковых форм общения в виде коммуникативно-когнитивных конструктов. По М. Минскому [Минский, 1979], познавая (актуализируя, выбирая), человек выбирает из памяти некоторую структуру данных (образ) или фрейм. Фреймовой организации подчинено не только зрительное восприятие, но и переработка символьной информации. Человек имеет набор разных фреймов и гиперфреймов для различных видов деятельности, окружающих условий, для форм повествования, объяснения, аргументации. Эти фреймы и механизмы их взаимосвязи (гиперфреймы) формируются и развиваются в течение его жизни.

С каждым фреймом ассоциирована информация о деятельности в различных типах обстоятельств. Но вместе с тем такая (ассоциированная и в тоже время специально, преднамеренно актуализированная) информация указывает, каким образом следует

использовать этот фрейм. Также информация о том, что может повлечь за собой его (фрейма) исполнение и информация о том, что следует предпринять, если эти ожидания не подтвердятся. Фрейм можно представить (представлен в когнитивном / ментальном пространстве человека) в виде сети, состоящей из обозначения вершины, узлов (терминалов и их слотов, подслотов и субслотов) и связей между ними. Вершина и терминалы слотов (или просто – слоты) чётко определены, так как образованы такими понятиями, которые всегда справедливы по отношению к предполагаемой (соотносимой) ситуации [см. подробнее: Алексеева, 1993: 60-63].

Повторим ещё раз: из тематического пространства с ярко выраженной негативной окраской (фрейм «Фашизм – СС – Преступления против человечества») говорящий (президент Эстонии) «переносит» аудиторию в тематическое пространство абсолютно нейтрального фрейма «Старые солдаты вспоминают свою юность», который может вызвать даже позитивные ассоциации (например, на основе сочувствия).

2. Рассмотрим следующий – 2-ой – уровень: «Игра со слотами». На данном уровне манипулятивное воздействие происходит уже на уровне (или в рамках) одного фрейма, где *манипуляции подвержены* ***содержательные*** слоты, образующие фреймовую структуру и фиксирующие важные смысловые узлы (*терминалы*) фреймового тематического пространства. Такие смысловые узлы способны включать в себя (присоединять к себе на базе валентной семантики) определенные наборы слотов.

Рассмотрим тематическое пространство гиперфрейма «Великая Отечественная война», который являет собой ядерную семантическую основу дискурса-интервью корреспондента Г. Зотова с Президентом Эстонии А. Рюйтелем. В структуре данного гиперфрейма можно выделить следующие терминалы с определёнными слотами, которые обозначены контентной тематикой дискурса и непосредственно актуализированы участниками дискурс-интервью в следующих ***смысловых*** блоках:

– победа;

– борьба с захватчиками;

– советский солдат-освободитель;

– ужасы войны;

– миллионы погибших;

– память.

Схематично тематическое пространство данного фрейма можно представить следующим образом: Великая Отечественная Война : победа : борьба с захватчиками :

советский солдат-освободитель : ужасы войны : миллионы погибших : память о войне. Примечание – двоеточие читается как «включает в себя слот / терминал» vs «отсылает к слоту / терминалу».

В зависимости от прагматической установки человека говорящего в данном фреймовом пространстве может быть актуализирован любой из описанных терминалов в виде набора слотов. Так, например, актуализируя *терминал* «Победа», мы заполняем тематическое пространство следующими слотовыми содержательными единицами – Великая победа, Победа советского народа, Праздник Победы и т. д. Вместе с тем, однако, ясно, что взаимосвязь перечисленных слотов позволяет циклично работать – в плане интенсивности погружения массового адресата – с содержанием слотов как по часовой стрелке, так и против часовой стрелки.

При актуализации нескольких терминалов с их слотами (например, «Победа», «Память», «Советский солдат-освободитель»), тематическое пространство будет заполняться следующими слотовыми содержательными единицами – «Спасибо деду за Победу», «Освобождение Европы советскими войсками», «СССР и советский народ спасли Европу от уничтожения», «Никто не забыт, ничто не забыто».

При актуализации одного из терминалов и его слотового (подслотового, субслотового) наполнения в рассматриваемом (обсуждаемом, поданным или актуализированным в медийном пространстве) гиперфреймовом пространстве, остальные терминалы и их слоты *могут отходить* на задний план или *сознательно вытесняться* на периферию тематического пространства, а также могут *вообще заштриховываться* или *затеняться*. В последнем случае используется прагматическая технология игры в чередование света и теней.

Примером реализации такой технологии может служить популярная в последние годы *актуализация* в сознании коллективного адресата терминала «Миллионы погибших» в Великой Отечественной Войне, вызывающую (каузирующую) следующие *слотовые смысловые цепочки* – «9 мая – не день победы, а день скорби», «9 мая – пиррова победа», «Что можно праздновать при таком количестве жертв?» и т. д. Примем во внимание, что и на этом уровне реализуется манипулятивная игра с оценкой смыслового третий уровень содержания слотового наполнения.

3. Третий уровень представляет собой манипулятивные игры между фреймами на уровне гиперфреймовых конфигураций в плане взаимодействия, сравнения, противопоставления и опровержения (обнуление, отрицание, противоборство). Так, например, гиперфреймовая конфигурация «Великая Отечественная Война» потенциально

может актуализировать содержательные контенты многих фреймовых слотов, которые способны перекрещиваться между собой и образовывать другие комбинированные фреймы, в частности «Военный режим Сталина», который позволяет выйти уже на оценку любого политического режима в свете современных событий в мире.

Выводы. Проблема неразличения типовых дискурсивных практик-сообщений, *уходящих* и *удалённых* от правды, требует более тщательной проработки и поиска дополнительных критериев, направленных на их функционально-семантическое разграничение. Вместе с тем, оказалось очевидным, что фреймовый анализ постправдивых дискурсивных практик-подделок помогает в определенной степени выявлять фейковизацию глобального коммуникативно-информационного пространства и активно противостоять ей. Вероятнее всего, обозначенная проблема в большей степени лежит в плоскости глобального противостояния акторов в коммуникативно-информационном пространстве и требует своего рассмотрения в аспекте их противоборства за репутационный капитал и борьбы за лидерство в глобальном мире [ср.: Бурдье, 2001]. Использования в этой борьбе разнообразного арсенала манипулятивных технологий обусловливает необходимость приступить к разработке комплексных программ, связанных с когнитивной безопасностью говорящего субъекта как активной личности в социуме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева И. Ю. Человеческое знание и его компьютерный образ. Москва: Институт философии РАН, 1993. 218 с.

2. Беккер К. Словарь тактильной реальности: Культурная интеллигенция и социальный контроль. Вена: Селена, 2002. 128 с.

3. Болдырев Н. Н., Григорьева В. С. Доминантный принцип и интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе. Тамбов: Принт-Сервис, 2020. 328 с.

4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции: пер. с фр. Москва: Издательский дом «Постум», 2015. 240 с.

5. Бурдье П. Практический смысл. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. 562 с.

6. Макдональд Г. Правда. Как политики, корпорации и медиа формируют нашу реальность, выставляя факты в выгодном свете: пер. с англ. Москва: ООО «Альпина Паблишер», 2019. 346 с.

7. Минский М. Фрейм для представления знаний. Москва: Энергия, 1979. 152 с.

8. Мисонжников Б. Я. Медиатекст как субъект формирования мифосознания // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2024. № 3. С. 104-129. Доступ: www.tverlingua.ru. (дата обращения 16.10.2024).

9. Романов А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. Москва: Институт языкознания АН СССР; Калининский СХИ, 1988. 183 с.

10. Романов А. А. Политическая лингвистика: функциональный подход. Москва – Тверь: Институт языкознания РАН, 2002. 191 с.

11. Романов А. А. «Окно дискурса» как регулятивный механизм распространения и внедрения «вирусной» информации: два подхода // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2016. № 4. С. 1-35. Доступ: www.tverlingua.ru. (дата обращения 25.04.2024).

12. Романов А. А. «Окно дискурса» как технология изменения представления о реальности // Языковой дискурс в социальной практике. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2017. С. 205-214.

13. Романов А. А. Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: системный анализ с примерами из русского и немецкого языков. Москва: Ленанд, 2020. 264 с.

14. Романов А. А., Малышева Е. В. Семантическое манипулирование как форма сетевого воздействия // Психолингвистика и лексикография. Воронеж: Истоки, 2016. Вып. 3. С. 166-169.

15. Романов А. А., Романова Л. А. Перформативные речевые акты в парадигме социального конструкционизма // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер.: Акмеология образования. 2005. Т. 11. № 2. С. 26-36.

16. Романов А. А., Романова Л. А. Фейк vs факт в информационной борьбе за репутационный капитал // Цифровизация в АПК: технологические ресурсы, новые возможности и вызовы времени. Тверь: Тверская ГСХА, 2020. С. 441-446.

17. Романов А. А., Романова Л. А. Манипулятивный потенциал коммуникативно-дискурсивного конструкта «запугивание» // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура. Калининград: Изд-во БФУ (Балтийск. федеральн. ун-та) им. И. Канта, 2023. С. 42-45.

18. Романов А. А., Романова Л. А. Агональная эристика политической рэп-дискурсии: типовые разновидности, функции и сущностные характеристики. Москва: Флинта, 2024. 360 с.

19. Романов А. А., Романова Л. А. Классификационные принципы формирования типологий фейковых сообщений // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2024а. № 2. С. 16-63. Доступ: www.tverlingua.ru (дата обращения: 25.04.2024).

20. Романова Л. А. Конструктивная семантика криптокласса английских прилагательных размера в диахронии и синхронии. Москва: Институт языкознания РАН. 2007. 120 с.

21. Романова Л. А. Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме языка. Москва: Институт языкознания РАН. 2009.180 с.

22. Романова Л. А., Малышева Е. В., Морозова О. Н., Романов А. А. Политическое ТВ-интервью в противостоянии постправдивым информационным посланиям // Военная журналистика в современном мире. Санкт-Петербург, 2023. С. 183-194.

23. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ: Теория и метод: пер. с англ. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004. 336 с.

ИСТОЧНИК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Президент Эстонии Арнольд Рюйтель: Разве мы восхваляем нацизм? // Аргументы и Факты. 2005. № 12. Доступ: https://archive.aif.ru/archive/1640045. (дата обращения: 10.09.2024). [АиФ].

REFERENCES

1. Alekseeva, I. Yu. (1993). *Chelovecheskoe znanie i ego kompyuternyy obraz* [Human knowledge and its computer image]. Moskva: Institut filosofii RAN. (In Russ.).

2. Bekker, K. (2002). *Slovar taktilnoy realnosti: Kulturnaya intelligentsiya i sotsialnyy control* [Dictionary of Tactile Reality: Cultural Intelligence and Social Control]. Vena: Selena. (In Russ.).

3. Boldyrev, N. N., Grigoreva, V. S. (2020). *Dominantnyy printsip i integrativnost formata rechevogo vzaimodeystviya v dialogicheskom diskurse* [Dominant principle and integrative format of speech interaction in dialogic discourse]. Tambov: Print-Servis. (In Russ.).

4. Bodriyyar, Zh. (2015). *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and Simulation]: per. s fr. Moskva: Izdatelskiy dom «Postum». (In Russ.).

5. Burde, P. (2001). *Prakticheskiy smysl* [Practical meaning]. Cankt-Peterburg: Aleteyya. (In Russ.).

6. Makdonald, G. (2019). *Pravda. Kak politiki, korporatsii i media formiruyut nashu realnost, vystavlyaya fakty v vygodnom svete* [True. How politicians, corporations and media shape our reality by putting facts in the best light]: per. s angl. Moskva: OOO «Alpina Pablisher». (In Russ.).

7. Minskij, M. (1979). *Freym dlya predstavleniya znaniy* [Frames for knowledge representation]. Moskva: Yenergiya. (In Russ.).

8. Misonzhnikov, B. Ya. (2024). Mediatekst kak subekt formirovaniya mifosoznaniya [Mediatatext as a subject of the myphocosis formation]. In *Mir lingvistiki i kommunikatsii: yelektronnyy nauchnyy zhurnal*. No 3. Pp. 104-129. Available at: www.tverlingua.ru. (accessed: 16.10.2024). (In Russ.).

9. Romanov, A. A. (1988). *Sistemnyy analiz regulyativnykh sredstv dialogicheskogo obshheniya* [System analysis of the regulative means of dialogue communication]. Moskva: Institut yazykoznaniya AN SSSR; Kalininskiy SKHI. (In Russ.).

10. Romanov, A. A. (2002). *Politicheskaya lingvistika: funktsionalnyy podkhod* [Political linguistics: a functional approach]. Moskva – Tver: Institut yazykoznaniya RAN. (In Russ.).

11. Romanov, A. A. (2016). «Okno diskursa» kak regulyativnyy mekhanizm rasprostraneniya i vnedreniya «virusnoy» informatsii: dva podkhoda [«Discourse window» as the regulative mechanism of dissemination and introduction of «viral» information: two approaches]. In *Mir lingvistiki i kommunikatsii: yelektronnyy nauchnyy zhurnal*. No 4. Pp. 1-35. Available at: www.tverlingua.ru. (accessed: 25.04.2024). (In Russ.).

12. Romanov, A. A. (2017). «Okno diskursa» kak tekhnologiya izmeneniya predstavleniya o realnosti [«Discourse window» as a technology of changing the perception of reality]. In *Yazykovoy diskurs v sotsialnoy praktike*. Tver: Tverskoy gos. un-t. Pp. 205-214. (In Russ.).

13. Romanov, A. A. (2020). *Lingvopragmaticheskaya model rechevogo upravleniya dialogom: sistemnyy analiz s primerami iz russkogo i nemetskogo yazykov* [Lingupragmatical model of speech management in dialogue: system analysis with examples from Russian and German]. Moskva: Lenand. (In Russ.).

14. Romanov, A. A., Malysheva, E. V. (2016). Semanticheskoe manipulirovanie kak forma setevogo vozdeystviya [Semantic manipulation as a form of network influence]. In *Psiholingvistika i leksikografiya*. Voronezh: Istoki. Iss. 3. Pp. 166-169. (In Russ.).

15. Romanov, A. A., Romanova, L. A. (2005). Performativnye rechevye akty v paradigme sotsialnogo konstruktsionizma [Performative speech acts in the paradigm of social constructionism]. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*. Ser.: Akmeologiya obrazovaniya. Vol. 11. No 2. Pp. 26-36. (In Russ.).

16. Romanov, A. A., Romanova, L. A. (2020). Feyk vs fakt v informatsionnoy borbe za reputatsionnyy kapital [Fake vs fact in the information fight for reputation capital].

In *Tsifrovizatsija v APK: tehnologicheskie resursy, novye vozmozhnosti i vyzovy vremeni.* Tver: Tverskaya GSKHA. Pp. 441-446. (In Russ.).

17. Romanov, A. A., Romanova, L. A. (2023). Manipulyativnyy potentsial kommunikativno-diskursivnogo konstrukta «zapugivanie» [Manipulative potential of communicative-discursive construct «intimidation»]. In *Manipulyatsii i sotsium: yazyk, soznanie, kultura*. Kaliningrad: Izd-vo BFU (Baltiysk. federaln. un-ta) im. I. Kanta. Pp. 42-45. (In Russ.).

18. Romanov, A. A., Romanova, L. A. *Agonalnaya yeristika politicheskoy ryep-diskursii: tipovye raznovidnosti, funktsii i suschnostnye harakteristiki* [Agonal eristic of political rap-discourse: typical varieties, functions and essential characteristics]. Moskva: Flinta, 2024. (In Russ.).

19. Romanov, A. A., Romanova, L. A. (2024). Klassifikatsionnye printsipy formirovaniya tipologiy feykovykh soobscheniy [Classification principles of the typology of fake messages]. In *Mir lingvistiki i kommunikatsii: yelektronnyy nauchnyy zhurnal*. No 2. Pp. 16-63. Available at: www.tverlingua.ru. (accessed: 25.04.2024). (In Russ.).

20. Romanova, L. A. (2007) *Konstruktivnaya semantika kriptoklassa angliyskikh prilagatelnykh razmera v diakhronii i sinkhronii* [Constructive semantics of the cryptoclass of English adjectives in diachrony and synchrony]. Moskva: Institut yazykoznaniya RAN. (In Russ.).

21. Romanova, L. A. (2009). *Strukturno-semanticheskie aspekty kompozitnykh performativov v funktsionalnoy paradigme yazyka* [Structural-semantic aspects of composite performative in the functional paradigm of language]. Moskva: Institut yazykoznanija RAN. (In Russ.).

22. Romanova, L. A., Malysheva, E. V., Morozova, O. N., Romanov, A. A. (2023). Politicheskoe TV-intervyu v protivostoyanii postpravdivym informatsionnym poslaniyam [Political TV interview in opposition to the post-truth news messages]. In *Voennaya zhurnalistika v sovremennom mire.* Sankt-Peterburg. Pp. 183-194. (In Russ.).

23. Fillips, L. Dzh., Jorgensen, M. V. (2004). *Diskurs-analiz: Teoriya i metod* [Discourse analysis: theory and method]: per. s angl. Kharkov: Izd-vo Gumanitarnyy Centr. (In Russ.).

SOURCE OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

Prezident Estonii Arnold Ryuytel: Razve my voskhvalyaem natsizm? [The President of Estonia Arnold Rüütel: Are we praising Nazism?]. In *Argumenty i Fakty*. 2005. No 12. Available at:https://archive.aif.ru/archive/1640045. (accessed: 10.09.2024).

Романов Алексей Аркадьевич *– доктор филологических наук, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики (e-mail: romanov_tgsha@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет» 170100, Тверь, Желябова, 33*

Romanov Aleksei A. *– Doctor of Philology, Professor of the Department of Fundamental and Applied Linguistics (e-mail: romanov_tgsha@mail.ru), Federal State Budget Institution of Higher Education «Tver State University» 33, Gelyabova, Tver, 170100*

Абросимова-Романова Лариса Алексеевна *– доктор филологических наук, профессор кафедры социальной работы и педагогики (e-mail: romanov_tgsha@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет» 170100, Тверь, Желябова, 33*

Abrosimova-Romanova Larisa A. *– Doctor of Philology, Professor of the Department of Social Work and Pedagogy (e-mail: romanov_tgsha@mail.ru), Federal State Budget Institution of Higher Education «Tver State University» 33, Gelyabova, Tver, 170100*

Поступила в редакцию 23 октября 2024 г.